

Судъ и казнь Григорія Самойловича.¹⁾

Малороссійская старшина въ челобитной своей великимъ государямъ о низложеніи Ивана Самойловича съ гетманскаго уряда „за его къ великимъ государемъ измѣны, а къ нимъ, старшинѣ, и войску и ко всему народу малороссійскому за многія обиды, и тягости и разоренія“, между прочимъ, просила „дѣтей и совѣтниковъ гетмана отъ чиновъ, которые они у себя имѣли отставить“. Въ отвѣтъ на это челобитье въ царской грамотѣ на имя князя В. В. Голицына предписано ему какъ дѣтей гетмана, такъ и его ближайшихъ совѣтниковъ захватить и держать подъ карауломъ. Самъ гетманъ и сынъ его Яковъ были уже въ рукахъ Голицына; оставалось поймать другаго старшаго сына, Григорія, полковника черниговскаго, который въ это время съ своимъ и другими козацкими полками былъ въ Запорожьѣ. Вотъ какъ доносилъ Голицынъ въ Москву объ исполненіи порученнаго ему дѣла.

„Іюля въ 23 д. писалъ я въ Запороги къ товарищу моему, окольникему и воеводѣ Леонтью Романовичу Неплюеву, чтобъ онъ, по вашему, великихъ государей, указу, будучи на службѣ съ полкомъ въ Запорогахъ, сына гетманскаго, черниговскаго полковника Гришку, и переяславскаго полковника Леонтья Полуботка да Федора Сулима изъ казацкихъ полковъ привялъ къ себѣ въ поле и держалъ ихъ у себя въ обозѣ за крѣпкимъ карауломъ, въ великомъ береженіи, чтобъ они не ушли и казаки ихъ не побии бь; а того смотрѣлъ бы и берегъ накрѣпко, и

¹⁾ Москов. Арх. М. Ю. Разрядный Пр., Сѣвскій ст., столбецъ № 8739.

всякими мѣры остерегаль, чтобъ въ казацкихъ полкахъ и въ Низовомъ войскѣ замѣшанія какого и бунта не учинилось; а полки: черниговскій и перяславскій приказаль вѣдать наказнымъ полковникамъ, кого тѣхъ полковъ старшина и казаки между себя выберуть; и сказалъ всѣмъ полковникамъ и казакамъ городовымъ, и охочимъ компанейнымъ и сердюцкимъ пѣшимъ вашъ, великихъ государей, указъ, чтобъ они были съ нимъ, окольничимъ, на вашей, великихъ государей, службѣ въ Запорогахъ, а до вашего указа съ службы не ходили. А также объявить тѣхъ полковъ старшинѣ и казакамъ, что какія имъ были отъ бывшаго гетмана тягости, а именно, аренды, и тѣ тягости отставлены и новому гетману въ статьяхъ будутъ подкрѣплены, что имъ впредь не быть, и они бѣ въ томъ были надежны. Да и отъ себя я писалъ листы на кошъ къ кошевому атаману, ко всему войску низовому и во всѣ бывшіе на Низу, объявляя имъ вашъ, великихъ государей, указъ объ отставкѣ гетмана Ивана Самойлова за его измѣны, обнадеживая ихъ вашей государской милостью и увѣщавая и укрѣпляя ихъ въ службѣ всякою вѣрностію и постоянствомъ. Августа въ 9 д. писалъ ко мнѣ окольничій Л. Р. Неплюевъ, что іюля въ 30 д. явились къ нему въ урочище у Никитина Рога бѣлогородецъ Иванъ Масловъ да полтавскаго полка товарищъ Леонтій Чернякъ и подали мою отписку; но Григорья Самойловича уже при немъ не было: прежде пріѣзда Маслова съ отпиской, Григорій Самойловичъ, узнавши о взятѣ своего отца, со всѣми казацкими полками, сильно поссорившись съ нимъ, Неплюевымъ, и забунтовавъ, пошелъ по Кодацкой дорогѣ, а ему взять его было невозможно, потому что вѣдомости объ отставкѣ гетмана не было. Получивъ отписку, Неплюевъ послалъ Леонтья Черняка въ Запороги для объявленія объ отставкѣ гетмана въ низовомъ войскѣ кошевому атаману и всему войску, а войска запорожскаго къ городовымъ, компанейнымъ и сердюцкимъ полковникамъ и старшинѣ послалъ Ив. Маслова да путивльца Ивана Щекипа, а велѣлъ имъ листы во всѣхъ полкахъ прочесть въ слухъ и раздать по полкамъ, а самимъ быть у Григорья Самойлова для его береженья неотлучно и того смотрѣть накрѣпко, чтобъ отъ него не уросло

какое дурно и въ войскѣ смятенія не было; да съ ними жъ писалъ къ полковникамъ и ко всему войску, чтобъ они бывшаго черниговскаго полковника, Григорья Самойловича, имѣли въ соблюденіи, чтобъ онъ не ушелъ и никто надъ нимъ никакого дурна не учинилъ. Самъ Неплюевъ, оставивши въ Запорогахъ генерала Григорія Ивановича Косагова, 31 іюля пошелъ вслѣдъ за Григорьемъ Самойловичемъ; того жъ числа на станъ къ нему, на рѣчку Каменку, пріѣхалъ Леонтій Чернякъ съ 224 запорожскими казаками, подъ начальствомъ Ѳедора Иваника, и доложилъ, что объ отставкѣ гетмана Ивана Самойловича кошевому атаману и всему низовому войску объявилъ и что все войско били челомъ и отставкѣ гетманской рады. Въ тотъ же день писалъ къ нему, Неплюеву, миргородскій полковникъ Данила Апостленко, съ басанскимъ сотникомъ Карпомъ Тимоѳеевымъ, чтобъ онъ, окольнічій, поспѣшалъ къ нимъ съ войскомъ; къ этому сотникъ Карпъ Тимоѳеевъ отъ себя добавилъ, что въ полкахъ у нихъ казаки имѣють рознь и начинается недоброе и если онъ, окольнічій, къ нимъ не поспѣшитъ, и у нихъ де безъ смятенія не пройдетъ“. Нѣсколько дней спустя, 3-го августа, Неплюевъ получилъ отъ Ив. Маслова, Щекина и компанейскаго полковника Илья Новицкаго письмо, въ которомъ они сообщали, что въ козацкихъ городскихъ полкахъ начались великіе бунты, что прилуцкаго полка козаки своего полковника Лазаря Горленка, да судью побили до смерти, и въ иныхъ полкахъ козаки побили многихъ знатныхъ людей, а потому онъ, Неплюевъ, шель бы къ нимъ наспѣхъ, а если за тяжестью обозовъ со всѣми полками поспѣшить нельзя, то послалъ бы ратныхъ людей, чтобы козацкіе бунты унять. Къ этому извѣстію податель отписки, эсауль компанейнаго Григорія Пашковскаго полка Тимоѳей Бережницкой, добавилъ, что де городовые казаки забунтовали и многихъ знатныхъ людей побили до смерти, а Лазаря Горленка да того жъ полка судью, бивъ, вкинули въ горячую печь и засыпали землею живыхъ, и во всѣхъ полкахъ у побитыхъ и у бѣглыхъ пожитки и лошадей разграбили и сердюковъ и компанейцевъ хотятъ побить же. Опасаясь нападенія козаковъ, компанейный полковникъ Илья Новицкій сталъ съ своимъ полкомъ отдѣльно

отъ козацкихъ полковъ, а сердюцкіе полковники, Гарасимъ Васильевъ да Степанъ Еверской, между козацкихъ полковъ окопались землянымъ валомъ; при нихъ держится и Григорій Самойловичъ, наградившій сердюковъ деньгами, съ нимъ же остались Ив. Масловъ и Ив. Щекинъ. Въ виду такого положенія, если онъ, Неплюевъ, къ нимъ въ полкъ не поспѣшитъ, то тѣ казаки ночью сердюковъ хотятъ взять приступомъ.

Не имѣя возможности идти со всѣмъ своимъ войскомъ, Неплюевъ отрядилъ къ лагерю козацкому сумскаго полковника Андрея Кондратьева съ его полкомъ, да ротмистровъ дворянскихъ, Никифора Дурова съ товарищи, пять человекъ, съ ихъ ротами, и приказалъ имъ говорить бунтовщикамъ отъ его имени, чтобъ они отъ бунта унялись, а если не уймутся, и имъ за то будетъ смертная казнь. Въ тотъ же день полковникъ Андрей Кондратьевъ писалъ къ Неплюеву: „пріѣхали де они къ казацкимъ полкамъ на рѣчку Суру и выѣхали де къ нему полковники компанейные, Илья Новицкій да Григорій Пашковскій, да Миргородскій Данила Апостоленко съ старшиною, которые не бунтовали, и сказали ему, Андрею: бунты де въ городовыхъ въ казацкихъ полкахъ учинились отъ прилуцкаго полка, казаки этого полка разграбили свою полковую церковь, въ которой въ тотъ день была совершена св. литургія, св. иконы подрали, церковные сосуды пограбили и изъ потира вылили на землю св. Дары, оставленные въ немъ въ запасъ для причащенія больныхъ, а самый потиръ унесли. Выслушавши эти рѣчи, неплюевскіе посланцы поѣхали по всѣмъ полкамъ, приглашая козаковъ къ порядку и угрожая за неповиновеніе смертною казнью. Въ заключеніе Кондратьевъ требовалъ, чтобы Неплюевъ немедленно шелъ съ своимъ войскомъ къ казацкимъ полкамъ, такъ какъ ходятъ слухи, что казаки въ ночь намѣрены учинить великое смятеніе

Получивши такіа вѣсти, Неплюевъ, взявъ съ собою копейные и рейтарскіе полки, дворянскія роты и харьковскаго полковника съ полками да запорожскихъ козаковъ, съ большей поспѣшностью пошелъ къ козацкому обозу, къ рѣчкѣ Сурѣ, а пѣхотнымъ полкамъ и обозу подъ начальствомъ Давыда-Вильгельма

графа де Грагама, барона Деморфійскаго да дьяка Петра Исакова велѣлъ идти за собою. Неплюевъ пришелъ къ козацкому табору за три часа до вечера, сталъ близъ обоза и тотчасъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ полковниковъ, старшину и изъ посольства лучшихъ людей и, объявивъ имъ указъ объ отставкѣ гетмана, потребовалъ, чтобы бунтовщики-козаки были ему выданы, а что старшиною всѣхъ козацкихъ полковъ на время велѣно быть Леонтыю Черняку. Козаки обѣщались исполнить требованія Неплюева и на другой же день, 4 августа, привели къ нему Григорья Самойловича, Леонтыя Полуботка и Ѳедора Сулиму со всею ихъ рухлядью, при чемъ произошла значительная свалка. Неплюевъ отдалъ Григорія Самойловича подъ карауль полковнику Константину Малѣеву да назначилъ быть въ приставахъ у него неотлучно Ив. Щекину, а войсковые знаки: бунчукъ, полковое знамя, прапоръ, боздуганъ—положилъ въ разрядный шатеръ; Леонтыя Полуботка и Ѳедора Сулиму отдалъ подъ карауль полковнику Тимоѳею Фандервидину; два сердюцкихъ полка, которые сидѣли въ осадѣ отъ городовыхъ козаковъ въ окопахъ, изъ нихъ вывелъ въ цѣлости и велѣлъ стоять близъ своего обоза. Въ тотъ же день Леонтій Чернякъ и полковники разныхъ полковъ прислали къ нему пятьдесятъ девять козаковъ, которые были уличены въ грабежѣ церкви, въ убійствѣ старшины и въ грабежѣ ихъ пожитковъ, а отобранные у нихъ грабежные животы возвратили потерпѣвшимъ. Когда Голицынъ получилъ донесеніе Неплюева, что козацкій бунтъ усмирень и Григорій Самойловичъ въ его рукахъ, онъ 10 августа писалъ ему, чтобы, соединясь съ войскомъ генерала Григорья Ивановича Косагова, со всѣми своими полками, переправясь черезъ Днѣпръ подъ Кодакомъ, шель этой стороною Днѣпра въ малороссійскіе города и сталъ подъ Лубнами до государева указа“ Все было исполнено по предписанію кн. Голицына. Изъ подъ Лубень, по государевой грамотѣ, Григорій Самойловичъ подъ сильнымъ конвоемъ былъ отправленъ въ Сѣвскъ, гдѣ подъ строгимъ карауломъ былъ помѣщенъ въ избѣ сѣвскаго жителя гостинной сотни Гапошки Медвѣдева, при чемъ строжайше было приказано стражѣ наблюдать, чтобы онъ рѣшительно не имѣлъ возможности сно-

сѣться ни съ кѣмъ. Какъ ни строго казалось заключеніе, однако Григорій нашель случай повидаться съ нѣсколькими людьми; вотъ что пишетъ сѣвскій подъячій Михаилъ Жаденовъ кому то: „сентября, государь, въ 7 д. писалъ Леонтій Романовичъ (Неплюевъ) къ Семену Протасьевичу (Неплюеву—сѣвскому воеводѣ) и ко мнѣ, сиротѣ твоему, что плуть де Гришка наказывалъ къ Миклошевскому словомъ гостипныя сотни съ сѣвскимъ жителемъ съ Гапошкою Медвѣдевымъ, чтобъ прислалъ къ нему денегъ, и намъ бы его, Гапошку, роспрося о томъ накрѣпко, ввинуть въ тюрьму. И онъ, Гришка, до моего сироты твоего прїѣзда поставленъ во дворѣ у него, Гапошки, въ особой избѣ, и какъ я, сирота твой, приволокся отъ тебя, милосердаго государя, и почаль быть при немъ, и при моей бытности его, Гапошки, я, сирота твой, въ дому его и у него, Гришки, не видалъ и нынѣ онъ для торговаго своего промысла въ отъѣздѣ; развѣ оеъ былъ до моего прїѣзда; и для сыску его, Гапошки, мы послали, а какъ приведенъ будетъ, и его о томъ распрося накрѣпко, вкинемъ въ тюрьму. А я бываю у него непрестанно и смотрю того накрѣпко, также и приставники начальные люди и подъячіе у него живутъ днемъ и ночью неотступно. Ей, ей! государь милосердый, съ неусыпнымъ и прилежнымъ, неотступнымъ моимъ стараніемъ смотрю того повсечасно накрѣпко! при миѣ ему, плуту, не только чтобъ съ кѣмъ говорить, и на сторону посмотриѣтъ трудно, развѣ какъ я отъ него отойду, только и безъ себя приставникамъ приказываю подъ жестокимъ страхомъ, чтобъ смотрѣли того неотступно накрѣпко, и въ ночахъ того за ними наглядая накрѣпко“. Опасаясь выговора изъ Москвы, сѣвскій воевода самъ собою распорядился допросить Медвѣдева объ его свиданіи съ Григорьемъ Самойловичемъ. Въ роспросѣ Медвѣдевъ сказалъ: „за недѣлю де до Семена дня собирался онъ ѣхать въ Глуховъ для продажи меду, который завезенъ былъ у него прежь сего въ Глуховъ; и какъ де впрягъ лошадь и пришелъ изъ избы къ возу своему, и стародубецъ, который приставленъ къ Гришкѣ, Андрей Курдюмовъ, позвалъ его въ свѣтлицу къ Гришкѣ и въ свѣтлицѣ де Гришка говорилъ ему, чтобъ онъ поговорилъ Миклашевскому, чтобъ Миклашевскій прислалъ ему двое сапоговъ,

да денегъ рублей съ пять да бочку пива. И онъ де, Гапошка, будучи въ Глуховѣ, о присылкѣ къ Гришкѣ вышенисапнаго Миклашевскому говорилъ, и Миклашевскій де сказалъ: безъ гетманскаго вѣдома прислать ему того не мочно, а доложить де онъ о томъ гетману. А ѣздилъ де онъ, Гапошка, въ Глуховъ для продажи меду своего, а не по Гришкиной посылкѣ, и Миклашевскому говорилъ безъ всякія хитрости, съ простоуміа“.

Андрей Курдюмовъ въ роспросѣ сказалъ: „какъ де Гапошка собирался въ Глуховъ, и Гришка де, увидѣвъ изъ избы въ окно, спрашивалъ у него, Андрея, куда ихъ хозяинъ Гапошка ѣдетъ? и Гришкинъ де челядникъ сказалъ ему, что ѣдетъ въ Глуховъ. И Гришка де ему, Андрею, говорилъ, чтобъ онъ Гапошку призывалъ къ нему въ избу, и онъ де Гапошку въ избу позвалъ; и Гришка де при немъ Гапошкѣ говорилъ, чтобъ онъ поговорилъ Миклашевскому, чтобъ онъ прислалъ ему двое сапоговъ, да денегъ пять рублей, да пива бочку. А больше де того ѡныхъ никакихъ словъ не бывало; а призывалъ де онъ Гапошку къ нему, Гришкѣ, спроста, безъ всякія хитрости.

Розыскъ этотъ воевода при отпискѣ послалъ въ Москву, послѣ того, какъ оттуда было потребовано объясненіе этого свиданія Самойловича съ Медвѣдевымъ, и по указу великихъ государей „Гапошкѣ и Курдюмову велѣно учинить наказаніе, бить батоги, за то что они къ Гришкѣ приходили“. Наказаніе было учинено.

Сентября 12-го сѣвскій воевода Семень Неплюевъ получилъ изъ Москвы грамоту, въ которой значилось: „вѣдомо намъ, великимъ государемъ, учинилось, что жилецъ Лазарь Шагаровъ да курскій подъячій Аюнька Бочаровъ хотѣли въ Сѣвску видѣться съ Гришкою Самойловымъ, невѣдомо для чего. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ велѣлъ того жильца Лазаря Шагарова и подъячаго сыскать въ Сѣвскѣ въ приказную избу и распросить ихъ накрѣпко съ пристрастіемъ порознь, для чего они съ Гришкою Самойловымъ видѣться хотѣли, и кто имъ о томъ приказывалъ или тайно научалъ, или они видѣться съ нимъ хотѣли собою, не по приказу и не по наученью чьему; а, роспрося ихъ, велѣли держать въ Сѣвскѣ въ тюрьмѣ до нашего,

великихъ государей, указу“. Въ отвѣтъ на эту грамоту сѣвскій воевода немедленно разыскалъ Шагарова, который въ роспросѣ сказалъ слѣдующее. „Въ прошломъ въ 195 г. (1687), по указу великихъ государей, былъ онъ на службѣ въ полку боярина и воеводы, князя Михаила Андреевича Голицына, съ товарищи, и въ томъ же году, въ августѣ мѣсяцѣ, а въ которомъ числѣ— того онъ не упомянуть, кн. Голицынъ посылалъ его, да съ нимъ курской приказной избы подъячаго Аеоньку Бочарова, изъ полка своего, изъ города Чугуева, въ малороссійскіе города, въ Батуринъ, провѣдать про новообраннаго гетмана, про Ивана Степановича Мазепу, и объ его гетманскомъ поведеніи, что у него въ Батуринѣ дѣлается, а объявляться ему, гетману, онъ, кн. Голицынъ, имъ, Лазарю и Аеонькѣ, не велѣлъ; да и въ иные малороссійскіе города для провѣдыванія всякихъ вѣдомостей, да въ Сѣвскъ для провѣдыванья про бывшаго гадяцкаго полковника, про Мишку Васильева, да про Гришку Самойловича, въ Сѣвску ль они, или изъ Сѣвска куда взяты. И они де въ Батуринѣ были августа въ 24 д. и явились тамъ стольнику и полковнику Петру Борисову, а сказали ему, что они присланы изъ полка боярина, кн. М. Голицына, для провѣдыванія про гетмана Ивана Ст. Мазепу. И онъ де, Борисовъ, объявилъ объ нихъ гетману, и гетманъ велѣлъ имъ придти къ себѣ. Когда они были у гетмана, онъ спрашивалъ ихъ о здоровьѣ кн. М. Голицына и велѣлъ ихъ отпустить изъ Батурина безъ задержанія, а также далъ проѣзжей листъ. Послѣ того они были для провѣдыванія всякихъ вѣдомостей въ малороссійскихъ городахъ: въ Конотопѣ, въ Королевцѣ, въ Глуховѣ, а изъ Глухова приѣхали въ Сѣвскъ и, провѣдавъ про Михаила Васильева и про Гришку Самойлова, что они въ Сѣвскѣ, съ ними, съ Михайломъ и съ Гришкой, видѣться онъ, Лазарь, хотѣлъ собою, только бы ихъ посмотрѣть, а ничего съ ними не говорить. И того жъ августа въ 28 д. они, Лазарь и Аеонька, изъ Сѣвска лоуѣхали въ полкъ къ боярину, кн. М. Голицыну, въ Чугуевъ, а сентября 16-го ратные люди полка кн. М. Голицына распущены по домамъ, и онъ приѣхалъ въ Сѣвскъ домой, а Аеонька Бочаровъ отпущенъ домой на двѣ недѣли“.

По докладѣ распросныхъ рѣчей государямъ, состоялся приговоръ: „Великіе государи указали: въ Сѣвскѣ къ окольнічему и воеводамъ послать свою великихъ государей грамоту, велѣтъ за такіа дѣла тому жильцу, Лазарю Шагарову, учинить наказанье, бить батоги, и написать его въ прежній чинъ, въ которомъ онъ былъ напередъ сего до жилецкаго чина, и въ Розрядъ послать о томъ память, велѣтъ въ списку надъ именемъ его отмѣтить, что ему въ житьѣ не быть, а служить въ прежнемъ чину, въ которомъ онъ былъ до того чина; да и подъячому курскому учинить наказанье жъ, бить батоги, и о томъ послать ихъ, великихъ государей, грамоту въ Курскѣ къ думному дворянину и воеводѣ, къ Абраму Ивановичу Хитрово“.

Пока производились эти дѣла, шло своимъ чередомъ и дѣло о самомъ Григорѣ Самойловичѣ. При разборѣ бумагъ бывшаго гетмана Ивана Самойловича, въ числѣ ихъ нашлись письма бывшаго гадяцкаго полковника Михаила Васильева, въ которыхъ были писаны разныя непристойныя слова про государей, каковыя будто бы Григорій Самойловичъ говорилъ полковнику М. Васильеву. Михаилъ Васильевъ былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и распрошенъ относительно компрометирующихъ его писемъ, при чемъ онъ подтвердилъ, что написанныя въ письмахъ непристойныя слова дѣйствительно были говорены Гр. Самойловичемъ, и что, кромѣ того, онъ и еще кой-что знаетъ про него. 30 сентября изъ Москвы окольнічему Л. Неплюеву, бывшему тогда съ войскомъ подъ Путивлемъ, была послана государева грамота, въ которой предписывалось ему, по распущеніи состоящаго подъ его начальствомъ войска, произвести розыскъ по обвиненію Михаиломъ Васильевымъ Гр. Самойловича въ сказываніи непристойныхъ словъ, „а будетъ Гришка учнетъ заператься, и ему, Гришкѣ, съ Мишкомъ Васильевымъ дать очную ставку; а будетъ на очной ставкѣ Гришка учнетъ заператься, а Мишка его тѣми непристойными словами станетъ уличать, и его, Гришку, велѣтъ въ тѣхъ непристойныхъ словахъ распросить у пытки и пытать; а будетъ и съ пытки Гришка станетъ заператься и говорить, что на него тѣ непристойныя слова онъ, Мишка затѣялъ напрасно, и въ тѣхъ непристойныхъ словахъ велѣтъ и Мишку

пытать и разыскивать о томъ накрѣпко, чтобъ доискаться самыя правды“. Неплюевъ пріѣхалъ въ Сѣвскъ въ началѣ октября и съ 11-го числа приступилъ къ допросу Мишки Васильева и Гр. Самойловича.

Въ роспросѣ Михайль Васильевъ на вопросъ: говорилъ ли ему Гр. Самойловичъ разныя непристойныя слова, отвѣчалъ: которое де дѣло окольнічій и воевода Леонтіѣ Романовичъ Неплюевъ ему объявилъ, и такія де непристойныя слова Гришка Самойловъ ему говорилъ. Да въ прошлыхъ де годахъ, а въ которомъ—того онъ не упомнить, писалъ онъ, Гришка, къ нему листъ съ человѣкомъ своимъ, съ Куцкевичемъ, а имени его не помнить, въ листу же почато тѣмъ: какъ инымъ, такъ и ему, Мишкѣ, онъ, Гришка, объявляетъ, что отецъ его, Ивашка, обѣщаль ему черниговское полковничество многократно, и еще того не даетъ, которое онъ, Гришка, имѣеть одержати сего времени, потому что онъ вѣдаетъ на отца своего Ивашку и брата Якушку такое дѣло, отъ котораго его отецъ и братъ не видять никуда; а о томъ дѣлѣ онъ, Гришка, человѣку своему, Куцкевичу, приказалъ, чтобъ объявилъ ему, Мишкѣ, словомъ, да и въ особомъ письмѣ о томъ же написалъ именно. И тотъ Гришкинъ человекъ, Куцкевичъ, придя къ нему, говорилъ: есть де у него отъ Гришки Самойлова къ нему листъ, а другой Ивашки Самойлова къ прикащику, къ Васкѣ Чайкевичу, который былъ у него на приказѣ въ его гадяцкомъ дворѣ, а велѣлъ де Гришка тѣ листы ему, Мишкѣ, и Васкѣ Чайкевичу отдать обще; и отдавъ тотъ Гришкинъ человекъ ему и Васкѣ Чайкевичу листы, тѣ непристойныя слова говорилъ же, и онъ де, Мишка, тому Гришкину человекъ говорить запретилъ. А въ поданномъ листѣ въ особомъ письмѣ осмотрѣлъ онъ тоже непристойное и затѣйное дѣло, написанное рукою Гришки; и онъ, Мишка, помня ихъ государское крестное цѣлованье, помысля съ тѣмъ прикащикомъ, Гришкина человека въ Гадячѣ, сковавъ, отдали за крѣпкій караулъ, и о томъ непристойномъ дѣлѣ къ Ивашкѣ Самойлову онъ писалъ и Гришкинъ листъ къ нему послалъ, и то къ нему, Ивашкѣ, назначилъ, дабы онъ толь великаго дѣла не потаилъ, вскорѣ донесъ, кому надлежитъ, къ Москвѣ, чтобы имъ всѣмъ за то плевело-

сѣятельное дѣло великаго грѣха и бѣды не было. А про то его Мишково объявленіе и что онъ писалъ къ Ивашкѣ Самойлову вѣдаетъ прежній бунчужный Костыка Ивановъ, потому что онъ, Ивашка, то дѣло ему, Костыкѣ, да сыну своему Семену разсудить вручилъ. И противъ де того его, Мишкина, письма, Ивашка Самойловъ велѣлъ ему прислать Гришкову цыдулу, а Куцкевича привезть скованнаго въ Батуринъ; и по его, Ивашкову, велѣнью, того Гришкина человѣка привезъ въ Батуринъ его, Ивашковъ, дворовый человѣкъ Афонасъ Дороеенко, а Гришковой де цыдулы онъ къ Ивашку не послалъ, убоясь того, чтобъ онъ, Ивашка, похотя то дѣло потаить, не велѣлъ его, Мишку, предать смерти, а къ нему, Ивашкѣ, отписалъ такъ, что ту цыдулу сжегъ. И того де Гришкина человѣка, Куцкевича, Ивашка Самойловъ распрашивалъ, и онъ сказалъ тоже; и къ нему, Мишкѣ, Иванъ Самойловъ приказалъ, будто тому человѣку учинено наказаніе и къ Москвѣ де о томъ писалъ. И онъ де, Гришка, зляся за то, нѣсколько разъ хотѣлъ убить до смерти и, прикрывая то свое воровство и неистовыя рѣчи, чтобъ на нихъ было не вынесено, въ конецъ его, Мишку, разорили и непрестанно приправливали къ смерти; и о томъ де Гришкиномъ воровствѣ и о непристойныхъ словахъ, не именуя дѣла, онъ, Мишка, глухо являлъ Василью Борковскому да Леонтью Полуботку такимъ образомъ, что онъ, Гришка, не токмо ихъ царскаго величества людей искореняеть, но и государскаго имени безъ страха Божія касается. Да онъ же, Гришка, ѣдучи изъ Батурина въ Стародубъ, въ то время какъ Ивашковъ сынъ Самойлова Семень былъ боленъ, при Васильѣ Борковскомъ и при бывшемъ бунчужномъ Костыкѣ Ивановѣ, ту же страшную, неистовую рѣчь всѣмъ имъ троимъ говорилъ вслухъ. А въ прошломъ де, въ 192 г., съ размѣны онъ, Мишка, писалъ къ Ивашку Самойлову письмо таково: будетъ онъ, Ивашка, похочеть въ Крымъ послать, и онъ бы жъ хану съ гостинцами послалъ, а въ гостинцахъ послалъ бы два кубка, да двѣ винтовки да пару пистолетовъ, хотя бы тѣ подарки взять съ полковниковъ, чтобъ при тѣхъ подаркахъ выпросить бѣглеца изъ малороссійскихъ городовъ, Самченка, который называется гетманомъ; а что де въ томъ письмѣ написано: „за то малое

мочно сдѣлать у хана великое“, и то де слово „великое“ написано про Самченка жъ, потому что Самченко Ивашкѣ Самойлову былъ надобенъ, для того въ томъ его, Мишковомъ, письмѣ за великое дѣло онъ и написанъ; а о разговорахъ съ беемъ и мурзами въ томъ письмѣ приписано, а онъ де съ беемъ и мурзами тайно ни о чемъ не говаривалъ и отъ Ивашки Самойлова говорить ему не наказано“.

Къ этому распросу на вопросы, предложенные Неплюевымъ, Михаилъ Васильевъ прибавилъ отъ себя слѣдующее: „въ то де время, какъ Гришка Самойловъ ѣхалъ въ Стародубъ, онъ сказывалъ Василью Борковскому, да Костыкѣ Иванову, да ему, Мишкѣ, такое же затѣйное, неистовое дѣло и на другое лице; да по смерти де Семеновой нашель онъ, Мишка, въ письмахъ его, Семеновыхъ, брата его Якушковой руки письмо, а въ томъ письмѣ при иныхъ дѣлахъ написано: объявляетъ ему, Семену, что братъ ихъ Гришка хвалится и хочетъ переѣхать въ крымскую сторону. Да онъ же Гришка, по взятѣ у него, Мишки, полковничества, въ Батуринь, призвавъ его въ домъ свой, говорилъ наединѣ, будто то ему учинила Москва, а когда бы онъ, не смотря въ Москву, держался Украины и его отца, то бы ему лучше было; а и нынѣ, если упованіе свое на Москву оставить, то де онъ у отца своего о немъ упросить. А онъ де, Гришка, будучи на Москвѣ, видѣлъ: править и держать московскаго государства некому и строенія ни отъ кого нѣтъ, самая де крѣпость нынѣ во всей Руси его, Гришкинъ, отецъ. Да онъ же де, Гришка, писалъ въ кievскій Братскій монастырь къ ректору Ѳеодосію Гогуревичу въ нисьмѣ, чтобъ отъ него, Мишки, въ тотъ монастырь милостыни не принимали, для того что де въ немъ объявилась измѣна противъ Украины и противъ отца, такая, что писывалъ къ Москвѣ, желая украинскіе и отца его порядки потерять и всѣ малороссійскіе города наклонить по образцу слободскихъ городовъ, за эту де измѣну будетъ ему смертная казнь непремѣнно; а то де письмо читалъ онъ, Мишка, у Ѳеодосія Гогуревича въ Батуринь. Да въ 194 г. сказывалъ ему, Мишкѣ, Леонтій Полуботокъ, что писалъ де къ нему Гришка Самойловъ своею рукою письмо, а въ томъ де письмѣ при иныхъ

дѣлахъ его жъ, Гришково, воровское, непристойное слово, касающееся чести великихъ государей со дерзновеніемъ, написано такъ: „ни ихъ государскіе грамоты и ничто иное, едино только его Гришкова отца милостивая воля крѣпчайше всего содержать“. Да въ 193 г., какъ былъ Ивашка Самойловъ въ Полтавѣ, да при немъ были сѣверскаго разряда городовые дворяне, и въ городѣ де Ромнахъ на полковничьемъ дворѣ говорилъ онъ ему, Мишкѣ: бѣда де его, Ивашкова, великая, что два, и нынѣ де для его искорененія держать на него Дорошенка, а тѣмъ де двумъ не только христіане, и басурмане дивятся. Приказываль де къ нему турецкой визирь, что де имъ при такомъ случаѣ никакого добра не будетъ“.

Въ заключеніе Михаилъ Васильевъ заявилъ, что письма, о которыхъ онъ говорилъ въ распросѣ,—одно присланное ему съ Куцкевичемъ, а другое Якова Самойловича, въ которомъ писано, что Григорій Самойловичъ хочетъ бѣжать въ Крымъ,—находятся у него въ домѣ, въ селѣ Михайловкѣ, у матери, и билъ челомъ, чтобы великіе государи указали за тѣми письмами послать, кого пристойно, а онъ съ тѣмъ посланнымъ пошлетъ къ матери своего малаго, который нынѣ при немъ, и отпишетъ, чтобъ мать, доставъ изъ упрятки тѣ письма, прислала къ нему въ Сѣвскъ. По челобитью его, октября 12-го по тѣ письма въ лебедянскій уѣздъ, въ село Михайловку, посланы сѣвскіе стрѣльцы, Демидга Прокофьевъ, Васька Мукосѣевъ, да съ ними малый Мишки Васильева, Стенька Петруновской; стрѣльцамъ было наказано ѣхать наспѣхъ и, взявъ письма, немедленно ѣхать назадъ.

На другой день былъ призванъ къ распросу и Григорій Самойловичъ; онъ долженъ былъ отвѣчать на каждый пунктъ обвиненія его Михаиломъ Васильевымъ, да, кромѣ того, былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: „какъ онъ, Гришка, побѣжалъ изъ Запорожья къ Кодаку, и въ тѣхъ числѣхъ съ Лазаркомъ Горленкомъ какой у него къ измѣнѣ былъ совѣтъ и умысль? и въ Крымъ къ хану онъ, Гришка, Лазарка хотѣлъ ли посылать, и въ которыхъ мѣстѣхъ у нихъ умышлено стоять и орды изъ Крыма къ себѣ на помощь дожидаться?“

Григорій Самойловичъ въ распросѣ говорилъ: „которые де непристойныя слова окольниковъ Л. Р. Неплюевъ ему объявилъ, и такія де слова онъ Мишкѣ говорилъ, только де тѣ слова говорилъ не своею затѣйкой, а слышелъ отъ братьевъ своихъ, первое отъ Семена въ то число, какъ онъ послѣ смятенія прїѣхалъ съ Москвы, а послѣ того, прїѣхавъ съ Москвы жъ, братъ его Якушка говорилъ ему тѣжъ непристойныя слова; а братья его, Семень да Якушка, тѣ непристойныя слова слышали на Москвѣ, а отъ кого именно—про то онъ отъ братьевъ своихъ не слыхалъ. А въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которомъ—того онъ не упомнить, писалъ къ нему, Гришкѣ, изъ Гадяча Мишка Васильевъ въ его деревню Орловку, чтобъ онъ писалъ къ нему о вѣдомостяхъ, какія у отца его есть; да въ тѣхъ же числахъ нынѣшній гетманъ И. Ст. Мазепа писалъ къ нему изъ Глухова, что прїѣхалъ де въ Глуховъ стольникъ Семень Ерофеевичъ Алмазовъ для дѣлъ государственныхъ и отца его домовыхъ, и онъ де, Гришка, чая того, что онъ будетъ разыскивать про вранье брата его Якушки и щадя брата своего и отца, чтобъ за то не было на нихъ государственной опалы, къ нему, Мишкѣ, при иныхъ дѣлахъ въ особомъ письмѣ о той неистойой рѣчи написалъ, а не отъ себя то затѣялъ, о чемъ де и выше сего сказалъ, слышалъ то отъ братьевъ своихъ. Да въ томъ же де письмѣ и то написалъ, что отцу его отъ тѣхъ ихъ словъ печаль, а имъ слѣпота; а иного де ничего въ той цыдулѣ не писано. А человѣку своему, Оськѣ Кудкевичу, о томъ словомъ къ нему, Мишкѣ, не приказывалъ, и онъ де, Мишка, и Васька Чайкевичъ того его человѣка за то не ковали, а скованъ де онъ былъ и къ отцу въ Батуринь отправленъ за то, что безъ вѣдома отца своего онъ, Гришка, черезъ того человѣка купилъ себѣ въ Гадячѣ дворъ; и о томъ непристойномъ дѣлѣ къ отцу его, Ивашкѣ Самойлову, онъ, Мишка, писалъ листъ, а въ томъ де листу написалъ такъ: „еще онъ, Мишка, на него, Гришку, имѣлъ великаго дѣла цыдулу, только де онъ ту цыдулу сжегъ“, а именно дѣла, и чтобы отецъ его, кому надлежитъ, донесъ къ Москвѣ, чтобы имъ за то дѣло великаго грѣха и бѣды не было, того не писалъ, и каковъ листъ къ отцу его писалъ Мишка Васильевъ, про тотъ листъ вѣдаетъ

прежній бунчужный Костька Ивановъ, а того дѣла для разсужденія отецъ его Костькѣ Иванову да брату Семену не вручиваль, а вручилъ де ему, Семену, да Костькѣ Иванову судити Мишку съ попомъ Денисьемъ въ вныхъ дѣлахъ. И человекъ де его, Оську Куцкевича, отецъ его безъ всякаго распроса отпустилъ къ нему; да отецъ же его къ Мишкѣ Васильеву того не приказываль, будто Куцкевичу учинено наказанье и къ Москвѣ о томъ писано, и онъ де, Гришка, зляся на него, Мишку, и для того, чтобъ тѣ непристойныя рѣчи на нихъ были не вынесены, его до смерти убить не хотѣлъ, и въ конецъ его не разорялъ и къ смерти не приправиваль, и о тѣхъ неистовыхъ словахъ, не именуя дѣла, Василью Борковскому да Леонтью Полуботку такимъ образомъ, и будто не токмо ихъ царскаго величества людей онъ, Гришка, искореняетъ, но и государскому имени касается“, Мишка Васильевъ говорилъ ли, того де онъ не вѣдаетъ; и изъ Батурина ѣдучи въ Стародубъ, въ то время, какъ братъ его, Гришковъ, былъ боленъ, при Васильѣ Борковскомъ, и при бывшемъ бунчужномъ Костькѣ Ивановѣ и при немъ, Мишкѣ, той рѣчи и о другомъ лицѣ онъ не говариваль и въ томъ де онъ шлется на нихъ, Василья и Костьку. Да въ 195 г., какъ онъ, Гришка, пошелъ изъ Запорожья къ Кодаку, и въ то де число бывший прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко прежде началъ ему говорить: имѣеть онъ, Гришка, у себя войска съ потребу, а изъ тѣхъ де надежныя компанейцы да сердюки, и онъ бы де съ тѣмъ войскомъ сталъ въ Кодакѣ, а изъ Кодака бѣ писать боярину, князю Василью Васильевичу Голицыну, за что его отца взяли? а онъ де, Лазарь, поѣдетъ въ Запорожье и когда де надобна будетъ орда, то де и орда будетъ, а если де ненадобна будетъ орда, то де онъ приведетъ запорожцевъ, а къ нимъ де пристануть многіе; а какъ придетъ окольникій Л. Р. Неплюевъ съ полкомъ, и онъ бы сталъ въ особомъ мѣстѣ, а когда де ихъ станетъ зацѣплять, то бы съ нимъ битися, а запасы бы на ихъ казацкое войско имать изъ государевыхъ запасовъ, что подъ Кодакомъ. И полковники де и старшина всѣ ему на томъ приговаривали крѣпко, и онъ де къ той ихъ мысли не присталь и, помня къ великимъ государемъ свое крестное цѣлованье, въ томъ

ихъ намѣреніи имъ запретилъ, и ни къ какому измѣнному дѣлу въ то число и никогда никакой мысли у него не было“.

Противъ извѣта Михаила Васильева Григорій Самойловичъ возразилъ слѣдующее: „По смерти де брата его, Семена, онъ, Мишка, въ его, Семеновыхъ, письмахъ Якушковой руки письмо нашель ли, и въ томъ Якушковомъ письмѣ, будто онъ, Гришка, хвалится и хочетъ переѣхать въ крымскую сторону, написано ль,—того онъ не вѣдаетъ; а онъ де въ крымскую сторону и никуда отъѣзжать не мыслилъ. А хотя бы де братъ его съ глупости, или по какой злобѣ на него и писалъ, чтобъ тому письму было не повѣрено; а по взятыѣ де у Мишки полковничества, онъ, Гришка, его къ себѣ въ домъ наединѣ не призывалъ и что „то ему учинила Москва, и когда бы онъ, Мишка, не смотрѣлъ въ Москву, а держался Украины и его отца, то бы ему лучше было, и если упованіе свое на Москву оставить, то де онъ у отца своего о немъ упроситъ“,—такихъ де словъ онъ Мишкѣ не говаривалъ; и будто, будучи на Москвѣ, видѣлъ онъ, „что править и держать московскаго государства некому и строенья ни отъ кого нѣтъ, а самая де крѣпость нынѣ во всей Руси его отецъ“—того онъ ему, Мишкѣ, не сказывалъ; и въ кіевскій де Братскій монастырь къ ректору, къ о. Феодосію Гогуревичу, „чтобъ у Мишки милостыни не принимали, для того что отъ него противъ Украины и отца его объявилась измѣна, такая, что посылавалъ онъ къ Москвѣ, желая украинскіе и отца его порядки потерять и всѣ малороссійскіе города наклонить по образцу слободскихъ городовъ, за каковую измѣну будетъ ему смертная казнь неперемѣнно“—такого письма онъ не писывалъ и такого письма онъ въ Батуриѣ у Гогуревича не читалъ, потому что такого письма не было, а говорилъ де онъ, Гришка, Феодосію Гогуревичу въ Батуриѣ словомъ не такъ, какъ Мишка его клепалъ, выговаривая за то, что въ Братскомъ монастырѣ его, Мишкову, личину по подобію гетманскому напечатали съ крестами и съ булавою, и они бы де такъ впредь его личину не печатали, а и ему де, Мишкѣ, за то безъ бѣды не пробудеть, что онъ свою личину печатаетъ по гетманскому. Въ 194 г. (1686) онъ, Гришка, писалъ письмо къ Леонтыю Полуботку

своею рукою, а въ письмѣ тѣхъ словъ, что „ни государскія грамоты и ничто иное, едина только отца его милостивая воля крѣпчайше всего содержитъ“—не писано, то де рѣчь прибавочная.

Вслѣдствіе разницы въ показаніяхъ Григорія Самойловича и Михаила Васильева, имъ дана была въ спорныхъ статьяхъ очная ставка. На очной ставкѣ Михаилъ Васильевъ говорилъ то же, что и въ распросѣ; „а въ тѣхъ де спорныхъ статьяхъ онъ, Гришка, запирается, отбывая своей вины. А что де онъ, Мишка, отъ Ивашки Самойлова слышалъ въ Ромнахъ, и про то онъ, Гришка, вѣдалъ ли, того онъ не знаетъ, потому что говорилъ ему про то отецъ его, Ивашка; да что въ листу брата его Якушки написано, что онъ, Гришка, хотѣлъ бѣжать въ Крымъ къ хану, и про то де вѣдаетъ братъ его Якушка подлинно, а онъ де, Мишка, уличаетъ Гришку тѣмъ письмомъ, брата его рукою“.

Григорій Самойловичъ въ свою очередь заявилъ на очной ставкѣ, что „въ чемъ онъ великимъ государемъ принесъ свою вину, про то все сказалъ въ распросѣ, а которыя статьи оспариваются, и тѣмъ всѣмъ Мишка его клевететь напрасно; а онъ де того не говаривалъ и не писывалъ, и братъ его, Якушка, на него что писалъ ли, и отецъ его Мишеѣ въ Ромнахъ про что сказывалъ ли, про то онъ ничего не вѣдаетъ. А которыя статьи онъ спорилъ въ распросѣ, тѣ всѣ онъ спорить и теперь на очной ставкѣ“.

Тогда Михаилъ Васильевъ билъ челомъ, чтобъ великіе государи указали Григорья Самойловича пытать, потому что онъ во многихъ статьяхъ винился, а на пыткѣ де и про тѣ дѣла, въ которыхъ запирается, скажетъ подлинно. Григорій же Самойловичъ, выслушавъ оговоръ Михаила Васильева, также билъ челомъ, чтобъ великіе государи пытать его не указали, а велѣли бѣ розыскать тѣми людьми, на которыхъ у нихъ была ссылка; да и подлинныхъ де писемъ онъ, Мишка, на очной ставкѣ не положилъ, а на очной ставкѣ тѣ письма положить было ему довелось и тѣми письмами свидѣтельствовать. А въ которыхъ статьяхъ онъ, Гришка, винился и спорилъ въ распросѣ, о тѣхъ статьяхъ твердить то же и инако де говорить не будетъ. Миха-

иль Васильевъ отвѣчалъ ему, что какъ только письма будутъ привезены, онъ немедленно представитъ ему ихъ въ улику.

Посланные въ с. Михайловку за письмами сѣвскіе стрѣльцы, Демидъ Прокофьевъ и Василій Мукосѣевъ пріѣхали въ Сѣвскъ 16 сентября и, явсь въ разрядную избу, подали окольному Л. Р. Неплюеву деревянный ставъ, съ прибитою двумя гвоздями къ ставу крышкою, перевязанный нитью и запечатанный сургучемъ. По осмотру въ немъ оказалось сорокъ три листа бѣлорусскаго письма о домовыхъ и козацкихъ дѣлахъ Михаила Васильева. Въ тѣхъ же письмахъ найдено письмишко сжено и рѣзано, подклеено другою бумагою, „а въ немъ написано неистово и плевелосѣятельно полчетверты строки“; по оговору Михаила Васильева то письмишко руки Григорья Самойловича. Кроме того въ числѣ „листовъ“ были: листъ Ив. Самойловича, писанный къ Михаилу Васильеву, „съ клятвою на сына своего, Григорія“; листъ Якова Самойловича; листъ Ивана Самойловича, писанный къ Михаилу Васильеву, въ которомъ желаетъ добра разнѣнному бею; три листа Григорія Самойловича къ Михаилу Васильеву.

Въ листахъ было написано слѣдующее: 1) Въ листу Ивана Самойлова къ Михаилу Васильеву, между прочимъ, сказано, что „онъ его проклятаго сына человѣка его непристойныя и погибельныя рѣчи у себя держитъ напрасно и такъ обмышляетъ, что межъ ими еще имѣеть быть нѣкакая тайна; а что де написано, будто имъ не видно туда и чтобъ ему и до вѣку такъ далъ Богъ, каково было и есть, и онъ бы, Мишка, его и въ послѣднихъ дѣлахъ не скрылъ. То онъ, Мишка, вѣдаетъ и самъ, что Богъ совѣты злые разоряетъ. А человѣка его, Куцкевича, прислати бѣ къ нему, Ивашкѣ, съ человѣкомъ его, съ Аповаскомъ; а плевелосѣятельныхъ такихъ словъ межъ людьми чтобъ онъ, Мишка, не разсѣваль, и чтобъ онъ отписаль ему: Куцкевичъ такія слова отъ кого слышалъ“? 2) Въ Якушковомъ листу къ брату его, Семену, написано: „отецъ ихъ, Ивашка, брата его, Гришку, бранилъ съ плачемъ и клялъ страшно и говорилъ, чтобы отъ него шель куда хочеть, понеже де всегда хвалится идти къ крымскому хану, и онъ бы шель, а онъ де, Ивашка, посмотреть,

какъ будетъ жить“. 3) Въ Ивашковомъ же листу къ Михаилу Васильеву написано: „вѣдомо де ему учинилось, что запорожцы хотять размѣннаго бея въ то число, какъ онъ поворотится съ казною въ Крымъ, пренявъ въ дорогѣ, казну отнять, и онъ вѣдаетъ, что своевольствомъ могутъ то учинити за побудкою ляцкою; и онъ бы де, Мишка, бея предостерегъ и чтобы онъ, бей, по его Михайлову совѣту послалъ отъ себя въ Казикермень наскоро, для того чтобы къ нему изъ Казыкерменя татаръ и янычаръ конныхъ навстрѣчу послано было наскоро“. 4) Въ письмѣ Григорія Самойловича къ Михаилу Васильеву писано: „вѣдомо онъ ему, Мишкѣ, чинить, что отецъ его, Ивашка, на него, Гришку, сердить, невѣдомо за что, и за то де Богъ отмщеніе ему да воздастъ! Знато де, за гнѣдую сердится лошадь, которую онъ, Ивашка, велѣлъ его, Гришкову, человѣку привести къ себѣ, и для той лошади прислалъ къ нему бунчужнаго; и онъ де ему отказалъ и говорилъ, что до того никто не дожилъ, чтобы на его лошади кому ѣздить при немъ. И за то де отецъ его на него и пуще положилъ сердце, и чтобъ отцу его то сердце съ болѣстью въ животѣ своемъ держать. Да еще онъ, Гришка, о двухъ дѣлахъ молить Бога: либо бы его предать смерти, или бы проклятое его Ивашково гетманство скороталось, а онъ бы де въ людяхъ лучше дослужился“. 5) Въ его же письмѣ къ Михаилу Васильеву написано: „писалъ де онъ, Мишка, къ его, Гришкову, отцу, чтобъ навестъ на него гнѣвъ, и то де онъ писалъ на свою бѣду и безголове; и то бы онъ вѣдалъ, что онъ терпѣть такъ, какъ братъ его Сенька, не будетъ и за свое безчестье станеть, а если онъ, Гришка, то забудеть, чтобъ ему не встати на судъ Божій“. 6) Въ листу Григорія Самойловича къ Михаилу жъ Васильеву написано: „самъ бы Богъ его, Гришку, скаралъ за тяжкую сердечную клятву, если онъ не отдастъ ему за свое безчестье; а на томъ онъ, Гришка, отца своего просить: если онъ надъ нимъ, Михаиломъ, указа не учинить, то онъ, оставя жену и дѣтей, для его, недобраго сына, съ Украйны выступить“.

По прочтеніи обвиняемому и обвинителю приведенныхъ писемъ, Неплюевъ, „чтобы доискаться самыя правды“, сдѣлалъ

распоряженіе о пытѣхъ того и другаго, ссылаясь въ своемъ постановленіи на государеву грамоту. Но пытка тому и другому не была особенно жестока: Григорій Самойловичъ висѣлъ на встряскѣ съ полчаса, былъ дважды тянуть и дано было ему пятнадцать ударовъ кнутомъ; Мишка Васильевъ тоже висѣлъ на встряскѣ и получилъ двѣнадцать ударовъ.

Будучи пытанъ, Григорій Самойловичъ гозорилъ: „въ которыхъ статьяхъ въ первомъ распросѣ и на очной ставкѣ винился, въ томъ во всемъ и въ неистовыхъ словахъ и нынѣ винится жъ; а которыя де непристойныя слова онъ Мишкѣ говорилъ и писалъ, в тѣ слова онъ слышалъ отъ братьевъ своихъ, Якова и Семена, а отъ кого они слышали такія слова, того братья ему не говорили. И Василью Борковскому, да бывшему бунчужному Костькѣ Иванову да ему, Михаилу Васильеву, ѣдучи въ Стародубъ, онъ тѣхъ непристойныхъ словъ не говоривалъ, да въ тожъ число такихъ же словъ и о другомъ лицѣ, имъ не сказывалъ. А что де онъ, Гришка, въ распросѣ говорилъ на Лазаря Горленка съ товарищи въ измѣнѣ, и къ той измѣнѣ и къ воровству къ начинанію былъ первый онъ, Лазарка, а его де желанія къ той измѣнѣ не было“. Когда ему показывали письмо и листы, Григорій Самойловичъ сказалъ: „то де письмо его руки, а писано въ немъ то, что онъ слышалъ отъ брата своего Якушки; а листы—одинъ руки его отца, другой—за его жъ рукою, третій—брата его Якова руки, да три листа его, Григорьевы, въ томъ числѣ два—его руки, а у третьяго въ концѣ приписано его рукою. Для чего его отецъ и братъ Яковъ такіе листы писали, про то не знаетъ, а онъ въ своихъ листахъ про отца своего и про Михаила Васильева писалъ съ сердца, а убить его, Михаила, не хотѣлъ. А что въ его листу написано, что онъ хочетъ выступить съ Украйны, и то де написалъ съ дерзости, а о побѣгѣ куда нибудь умысла у него не было“.

Михаилъ Васильевъ съ пытки говорилъ: „что де онъ въ распросѣ и на очной ставкѣ на Григорія Самойлова говорилъ, то самая правда. А Василью Борковскому, да Костькѣ Иванову и ему, ѣдучи въ Стародубъ, онъ, Гришка, говорилъ, и въ то жъ число имъ же и о другомъ лицѣ такія же слова сказывалъ.

А что за Ивановъ Самойловымъ и за сыномъ его Григорьемъ какія дѣла вѣдалъ, о томъ въ распросѣ его писана самая правда“, а о разговорахъ съ размѣннымъ беємъ и мурзами, и къ хану о подаркахъ съ пытки говорилъ то же, что и въ роспросѣ.“

По окончаніи слѣдствія, по приказу окольного Л. Р. Неплюева, Григорій Самойловичъ и Михайлъ Васильевъ были отданы за приставовъ подъ карауль, скованы, въ прежнія мѣста, а приставамъ и караульщикамъ было приказано накрѣпко, чтобы они держали ихъ въ соблюденіи твердою и караулы денные и ночные были у нихъ крѣпкіе, да и сами бѣ пристава были на дворахъ безотлучно.

Все розыскное дѣло: распросныя и пыточныя рѣчи Григорья Самойловича и Михаила Васильева, письмо Григорьевой руки къ М. Васильеву и шесть листовъ бѣлорусскаго письма, 17 октября 1687 г. было отослано Неплюевымъ съ сѣвскимъ подъячимъ Титомъ Русиновымъ въ государственный посольскій приказъ къ князю В. В. Голицыну, съ товарищами; отсюда дѣло было перенесено въ боярскую думу и здѣсь, по выслушаніи доклада, состоялся слѣдующій приговоръ: „196 (1687 г.) октября въ 24 д. Великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, и великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всеа великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, слушавъ сего розыску въ комнатѣ, съ комнатными бояры, указали и бояре приговорили: Гришку Самойлова за его воровскія, затѣйныя и непристойныя слова, о которыхъ его воровскихъ словахъ и о письмѣ его руки, въ которомъ онъ тѣ непристойныя и воровскія, затѣйныя свои слова говорилъ и наисалъ, имъ, великимъ государемъ, извѣстно и у розыску въ томъ онъ, Гришка, винился, и то его Гришкино воровское вышепомянутое письмо поднесено имъ, великимъ государемъ, того жъ числа и оставлено въ хоромѣхъ; тако жъ за его измѣну, какъ онъ, будучи въ Запорогахъ, хотѣлъ и умышлялъ имъ, великимъ государемъ, измѣнить, въ чемъ на него писалъ въ большой полкъ къ ближнему боярину, и оберегателю и дворовому воеводѣ, ко князю Василью Васильевичу Голицыну, съ товарищи изъ Запороговъ

товарищъ его, окольничій и воевода, Леонтій Романовичъ Неплюевъ, съ товарищи, и что изъ Запороговъ онъ Гришка, забунтовавъ, ушелъ съ ратными людьми своевольствомъ своимъ къ Кодаку, безъ великихъ государей указу, и у того розыску въ томъ онъ, Гришка, винился жъ, а сказалъ, что наговаривалъ де его и приводилъ къ той измѣнѣ бывший прилуцкій полковникъ Лазарка Горленокъ, а онъ будто къ тому воровству и къ измѣнѣ приставать не хотѣлъ, и потому по всему знатно, что и онъ, Гришка, мыслилъ о томъ съ нимъ, Лазаркомъ, обще, а если бъ его умыслу въ томъ не было, и онъ бы изъ Запороговъ прибѣжалъ самъ, извѣстясь о томъ, или бъ отписалъ въ полки къ ближнему боярину, и оберэгателю и большаго полку къ дворовому воеводѣ, ко князю Василью Васильевичу съ товарищи, или бъ сказалъ о томъ въ Запорогахъ окольничему и воеводѣ Леонтыю Романовичу съ товарищи,—*казнить смертью*. А женѣ его дать свободу и жить ей въ малороссійскихъ городѣхъ, въ которыхъ пристойно, по гетманскому разсмотрѣнію, и дать ей на прожитокъ изъ его, Гришковыхъ, пожитковъ двѣсти рублей денегъ, да изъ платья ея камчатныя, и атласныя, и суконныя теплыя бѣлы и лисы и холодныя платна, кромѣ золотныхъ, и бархатныхъ, собольихъ и холодныхъ платенъ; а бѣлое всякое платье, также и Гришкино платье, которое есть на немъ нынѣ въ Сѣвску, отдать всей ей. А Мишку Васильева пожаловали великіе государи, смертью его казнить не велѣли, а указали съ женою его и съ дѣтьми, отдавъ ему всѣ пожитки его, и хлѣбъ, прислать его къ Москвѣ съ провожатыми: а что ему пожитковъ его всякихъ будетъ отдано и тому всему прислать роспись. А село его Михайловку съ деревнями и со всѣми людьми, и съ крестьяны, и съ мельницами, и съ землями, и съ хutory, и съ пасѣки и съ сады указали великіе государи отписать къ сумскому полку и написать того села и деревень жителей и мастеровыхъ людей, также и дворовыхъ его людей, буде которые съ нимъ ѣхать къ Москвѣ не похотятъ, въ казаки и дать имъ сотника добра, и быть сотнѣ Михайловской, и вѣдать ихъ службою и расправою сумскимъ полковникомъ, и учинить въ томъ селѣ Михайловкѣ острогъ съ крѣпостями; а съ мельницъ, и съ пасѣкъ медъ, и съ садовъ яблоки

и иной овощь собирать и въ прудахъ рыбу ловить на себя, великихъ государей. И къ тому бѣ ко всему приставили они, полковники, цѣловальниковъ добрыхъ, и для того послать въ Михайловку изъ Сѣвска дьяка Михаила Жадепова. А Ивана Самойлова указали великіе государи сослать изъ Кукарки въ Сибирь въ Тоболескъ, а сына его, Якушка, и съ женою его въ Енисейскъ и держать ихъ въ тѣхъ городѣхъ за крѣпкимъ карауломъ и давать своего, великихъ государей, жалованья кормъ по прежнему; а отъ Кукарки до Тобольска велѣтъ съ ними послать въ приставѣхъ казанцевъ двухъ человекъ дворянъ добрыхъ и провозатыхъ служилыхъ людей, сколько человекъ пристойно. А Григорья Бахметева, принявъ у него Ивана и Якушку, велѣтъ отпустить къ Москвѣ. А въ Тобольскѣ, принявъ Ивана и Якушка, отпустить тѣхъ казанцевъ и съ служилыми людьми въ Казань, и послать Якушка изъ Тобольска за крѣпкимъ карауломъ въ Енисейскъ. И указали великіе государи о томъ свои, великихъ государей, грамоты въ Сѣвскъ, и въ Казань, и къ Григорью Бахметеву и къ гетману для вѣдома, а въ Сибирскій приказъ о приѣмѣ память послать. Думной дьякъ Емельянъ Украинцовъ“.

Государева грамота о казни Григорья Самойловича и о присылкѣ въ Москву Михаила Васильева послана въ Сѣвскъ воеводѣ Л. Р. Неплюеву 31 октября 1687 г. съ сѣвскимъ подъячимъ, а въ отвѣтъ въ Москвѣ была получена отписка Неплюева, въ которой онъ писалъ: „...и по вашему, великихъ государей, указу Гришкѣ Самойлову у казни его воровскія, затѣйныя и непристойныя слова и измѣна сказана и казненъ смертию, отсѣчена голова, ноября въ 11 числѣ нынѣшняго 196 г. (1687), а у казни былъ солдатскаго строя полковникъ Тимошей Фандервидинъ“. На отпискѣ сдѣлана помѣта: „196 г. ноября въ 21 д. Великимъ государемъ и великой государынѣ, благовѣрной царевнѣ извѣстно. Взять къ отпуску“. Этими словами—взять къ отпуску—и закончилось для Москвы существованіе въ свое время опаснаго для нея козака Григорья Самойловича.

А. Востоковъ.